

диалог с историческими эпохами, разными культурами и установившая некую экзистенциальную общность со своими вымышленными персонажами. В самом деле, поэтическое слово в понимании Тарковского является не только хранителем культурной памяти, но и через него осуществляются в интимно-биографическом смысле модели судеб: без принятия предназначенной человеку судьбы не функционирует и „бессмертная память”, преемственность культуры прекращается, поскольку она лишена экзистенциального риска. По-моему эти представления были очень близки к поэзии Иштвана Баки. Впрочем, он живо интересовался и биографией Арсения Тарковского: потерю сына, Андрея, болевшего также раком, воспринял символически; Бака уважал Тарковского в качестве некоего кроткого авторитета, литературного отца, противопоставляя его образ образу жестокого, далёкого Бога...

Через жест смены масок поэта и переводчика Бака, кажется, предоставляет ключ к своему миру: мир осмыслен только тогда, когда из него создан текст, и абсолютно не релевантна иерархия текстов; так как не имеет значения, представляет собой данный текст перевод или оригинальное стихотворение, имитация это или оригинал, поскольку все внетекстовые элементы иррелевантны. Созданием этой мистификации Бака вышел из контекста венгерского финитизма. Благодаря маске Степана Пехотного перешёл в „мир чужой”, правда, также замкнутый, в мир, созданный мифом о русской литературе, но это повлияло на его творчество с освободительной силой, расширив возможности игры и гротеска в его творчестве.

В мистификации смены масок поэта и переводчика оуществлена некая осциляция между фиктивным как квази-сущностью и фиктивным как поэтическим творчеством. Несмотря на то, что Бака в своей поэзии не порывает с традиционными формами и традиционным поэтическим языком, через мистификацию маски переводчика он приближается к такой зоне, где текст воспринимается как „simulacrum”, в смысле Бодриера.

Иштван Бака:

Заветы Степана Пехотного

Ночи Раскольниковва

Уж канул северный закат
В угрюмо серые каналы.
Проспектами исхлестан, град
Петров затих, как конь усталый.

Ночь, ядра-звезды волоча,
Бредет, как узник на прогулке.
И ветки голые стучат,
И сердце страх разносит гулко.

В пивной галдеж и хохот пьяный,
А в небе, мертвенно бледна,
Кривит ухмылку Емельяна
В руке у палача — луна.

Ладонь двора вовне разверста,
Но спит калека, дом-слепец.
И лопаются чирьи-звезды
На небе, нищего лице.

В Санкт-Петербурге снова

По улицам ночных я брел куда-то
Не видя ничего в промозглой мгле
Густой туман стоял стеной как вата
И очень бесприютно было мне.

В том городе где выпало родиться
Под пятилеток барабанный гром
О сколько раз хотелось мне напиться
Чтобы годы не ползли с таким трудом

Чтобы до дней дожить обетованных
Но коммунизма что-то нет и нет
Уж водка дефицит о грандиозных планах
Помалкивают рубрики газет

И снова в Питере вши крысы проститутки
Низвергнут Ленин гений всех времен
О торжество о гибель здравого рассудка
Великому Петру град славный возвращен

В густом тумане я шагал куда-то
Шептал под нос что в голову взбредет
А где-то глухо звякали лопаты
Зиял окоп где смерть меня найдет

Вокруг молчали улицы пустые
Друзей моих давно пропал и след
Я брел как племя Моисея по пустыне
Вот разве что в единственном числе

Туман слоями плавал как сметана
В котле остывшего вчерашнего борща
И мне казалось как это ни странно
Я был тот борщ и я ж его ел натошак

И был тот борщ увы довольно постный
Ни капли жира ну вода водой
А мясо то бишь я сплошные кости
Поскольку я голодный и худой

О время ты котел от сажи черный
По стенкам скользким мне не вылезти наверх
Варил меня ты Боже долго и упорно
Но я не жалуясь ведь жаловаться грех

Да в общем здесь на дне не так уж скверно
Живу себе впотьмах грызу кулак
Тебя прошу лишь Боже не томи безмерно
Насаживай на вилку сразу так

Продолжал я с Богом разговор
Но Бог не слышал был он далеко
Я сердце как Раскольников топор
Тащил придерживая под пальто рукой

Был холод был туман и чудилось что кто-то
Ждет за углом чтоб снять шинель с меня
И слышался вдали тяжелозвонкий топот
То Медный Всадник горячил коня

Но то был шум в ушах тянулись тени
Уныло фонари над головой
В тумане словно в целлофане тлели
Гортензией увядшей неживой

И сам я расплывался тенью бледной
Как блик упавший из закатных туч
Когда по шпилью Петропавловки последний
Ползет как капля крови тусклый луч

Замерзшие не слушаются ноги
Несут меня неведомо куда
Вон Мандельштам стоит среди дороги
Ахматова дрожит на кухне в холода

Салон зеленый в чайном аромате
В дыму сигарном плавает амур
Калоши скинув сняв пальто на вате
Садится Блок под пыльный абажур

Несет пайковую селедку Ходасевич
А по льду Финского подняв штыки
Громить Кронштадт и матушку Расею
В последний бой идут большевики

Вот что во сне я видел замерзая
На тротуаре в час глухой ночной
Как обнаружили меня друзья не знаю
Но все-таки живым доставали домой

Иманнуил Кант

Товарищ Кант! Мы объявить вам рады:
Вы в философии теперь для нас кумир.
Как бы когда-то, из Калининграда
Мы тоже ни ногой во внешний мир

Товарищ Кант! Мы тоже чтим безмерно
Категорический императив, —
И, если стиль у нас порой бывает нервный
То мыслям не даем шататься вкось и вкривь.

Профессор, вы ведь сам виноваты,
Что Гегель с Марксом шли по вашему пути
И что потом их ученик усатый
И вашу Пруссию в Россию превратил.

Ах, как бы классно вы у нас смотрелись
На зоне, меж угрюмых доходят,
Которым урка-бригадир, ощерясь,
Внушает по-простому, та-растак,

Что у него давно уж зуб на чистый разум:
Кто сильно умный, тот алкаш иль враг!
А потому критиковать заразу
Мы беспощадно будем в лагерях!

Нет, не уйти вам, Кант, от нынешнего века!
Зарешетили сами вы себе окно.
Коль не хотели вы покинуть Кенигсберга,
Калининград покинуть вам не дано.

In modo d'una marcia*

Поезд, поезд, куда ты умчался?
Ты куда мою Машу увез?
Мне ответил гудок: не печалься!
Я в Москву! — просвистел паровоз.

Эх, судьба... Забегу в „Вино-воды“:
Вдруг удастся бутылку добыть...
Ну чего вы орете, уроды?
Да, приспичило! Горе залить!...

Дома — Шуман. Квинтет фортепьяный.
О, какая волшебная грусть!
Я от водки и музыки пьяный...
Слезы капают в рюмку... И пусть!

---

* Обозначение темпа второй части фортепьяного квинтета Ми-бемоль мажор Шумана.

После водки за что же мне браться? ...
Что там в „Правде” сегодня, в „Труде”?
Нет, нельзя это вынести, братцы:
Болтовня, лицемерье везде,

На трибунах — надменные морды,
Перед нами колышется рать,
И ракеты, и танки... Народы,
Может, счастливы. Мне — наплевать.

Ни под кем не хочу пресмыкаться!
(Ну, под Машей — другой разговор...)
Правят нами зловещие старцы.
Кто не стар, тот мошенник и вор...

Поезд Машу все дальше увозит.
Серый сумрак ползет по земле...
Но прощальный гудок паровоза —
Или Шуман? — звучит в голове.

Русские сонеты*

1

В углу — лохмотья паутинные,
Сочится в окна зимний свет,
И ходики стучат старинные:
Андрея нет, Андрея нет.

В мозгу пары клубятся винные;
Не мысли — пригоршня монет
Шепчу, шепчу слова повинные:
Андрея нет, Андрея нет.

Ушли Андрей, и Анна, и Марина
Куски моей души забрав с собой.
И ноет боль ногою, ампутированной

Зимою сорок первого метельной...
Но нет у смерти власти над душой,
Мы снова вместе будем, нераздельно.

2

Холодный небосвод, речная пойма, дамбы, —
И сразу: молодость, Марина, тихий сад.
Всегда вот так владеть вещами нам бы!
Подумал: снег, — и вот он, снегопад.

* Это последние стихи Арсения Тарковского. Они существуют только в переводе.

Произнесешь: войною утро пахнет, —
И в зале ожидания, одет
В мою шинель, с трудом встает на лавке,
Зевают, трет глаза и шурится на свет

Тот лейтенант, который... Впрочем, нет!
Есть то, о чем и говорить не стоит,
Иначе мертвые до времени восстанут, —

Они и так уж, через столько лет,
Ко мне являются неровным строем,
Стоят, молчат, приказа ждут устало...

(1995)

Перевод Ю. Гусева